

• Автор: [Юлия Галямина](#)

[Культура разрушения](#)

Ночь с 8 на 9 февраля, когда в Москве было снесено более 50 расположенных рядом со станциями метро торговых точек, жители столицы окрестили «ночью длинных ковшей». Помимо полностью снесенных торговых павильонов, еще десятки были просто повреждены строительной техникой. Все они стали жертвой собянинского списка «самостроя».

Снос происходил одновременно в разных концах Москвы. Из некоторых павильонов едва успели выйти люди, во многих случаях под руинами остался товар ни в чем неповинных арендаторов. Фотографии разрушения облетели интернет и тут же вызвали массу вопросов как у общественности, так и у журналистов.

Последним удалось [выяснить](#), что среди всех снесенных/поврежденных строений в действительности не имели статуса законной собственности лишь три. В отношении остальных суд ранее выносил постановления о законности их существования. В решениях судов указано, что городские власти на протяжении длительного времени знали о ныне снесенных торговых точках, но не предпринимали никаких действий для их ликвидации. В некоторых исках предприниматели указывали на истечение срока давности по искам московских властей.

В соответствии с действующим российским законодательством в административном порядке сносу могут подвергаться только те объекты, которые ранее судом были признаны «самостроем». Без предварительного решения суда – ни о какой законности сносов речи и быть не может. Однако Собянин, дав отмашку на незаконный снос, не сделал ничего экстраординарного. Он действует в рамках той политической культуры, которая последние 15, а то и 20 лет насаждалась в России. История с массовым сносом недвижимости в Москве, как и история с [угрозами](#) в адрес оппозиции со стороны Кадырова – чуть более визуализированные образцы этой культуры.

Политическая культура – вещь, нигде не прописанная. По идее, она должна быть следствием основного, государствообразующего закона – Конституции. Но это по идее. На деле же, Конституция в России сама по себе, а та культура, которая позволяет делать дела в российском государстве так, как они делаются, – отдельно.

Какие основные ценностные установки стоят за этой политикой и системой управления? Какие тенденции творчески развивают Собянин и Кадыров?

Первое и самое страшное, что лежит в основе всей российской системы управления – это правовой нигилизм. То, что «бумажки о праве собственности» – это всего лишь [прикрытие](#), а не документ, статус которого гарантирует вся система государственной власти – не ноу-хау Собянина. Такая идея лежала в основе масштабного строительства в Сочи перед Олимпиадой. Эта же идея легла в основу грузинской войны. Она же привела к захвату Крыма. Смысл этой идеи отлично отражается во фразе «нельзя, но если очень хочется, то можно». «Очень хочется» обычно подкрепляется высокодуховными аргументами о патриотизме, Корсунки, исторической правде. На этот раз оправданием незаконных действий стала абстрактная «красота». «Некрасиво» – решили они, а значит все зарегистрированные государством документы не стоят той бумаги, на которой они напечатаны.

Однако в Москве регулярно происходят и обратные истории, когда «высокодуховность» перевешивает эстетическую непривлекательность. Тут самое время вспомнить историю про установку памятника святому Владимиру, который может испортить исторический облик одной из самых красивых площадей вокруг Кремля, охраняемой ЮНЕСКО.

Правовой нигилизм путинского государства стал его родовой травмой. Ведь Путин был назначен преемником вопреки духу и букве Конституции, вопреки прописанным в ней демократическим принципам. Поэтому Указ «о возложении исполнения обязанностей президента России на председателя правительства Владимира Путина», о котором объявил 31 декабря 1999 года Ельцин, можно в духе Собянина тоже назвать «бумажкой».

Второй характерной особенностью российской политики является уничтожение понятия публичной репутации, которое подкрепляется ловкостью рук при организации выборов всех уровней. Репутация политика важна не сама по себе, а как инструмент поддержания политической культуры и политической ответственности на должной высоте. Публичная репутация никого не волнует в государстве, где выборы – это не тот инструмент, на который ориентируются властные элиты в своей политической борьбе. Умение быть лояльным и командным игроком в узком круге – это совсем другое дело. А для избирателей и даже для всего остального мира вполне подходит общение на уровне «она утонула», которое было произнесено в самом начале политической карьеры Владимира Путина («Она утонула» – фраза, произнесенная Путиным в ответ на вопрос Ларри Кинга о том, что случилось с подводной лодкой «Курск» - прим.ред.). Именно поэтому Собянину все равно, как его акции выглядят в глазах москвичей.

Третьим фундаментальным управленческим направлением, лежащим в основе путинской политики, является неприятие разнообразия и страсть к укрупнению. Еще в начале 2000-х годов эта идея вылилась в создание федеральных округов и института полпредств президента. С годами идея потеряла первоначальный блеск, т.к. столкнулась с простым экзистенциальным законом – жизнь не приемлет единообразия. Таковы законы природы: для развития нужна вариативность. Особенно ярко страсть к укрупнению и единообразию проявилась в сфере образования. Несмотря на прописанную в «Законе об образовании» вариативность, автономность школы и демократические принципы управления, в последние годы в этой сфере принимаются управленческие решения в обратном направлении. В Москве

и других регионах прошли укрупнения школ, повсеместно вводится отмененная в 90е годы школьная форма, началась разработка единого учебника истории, органы управления образованием активно вмешиваются во внутренние дела школ и детсадов. А для взрослых есть телевизор, который тоже особым разнообразием после разгрома НТВ в 2001 году не отличается. Снос маленьких магазинчиков тоже выгоден, прежде всего, крупным торговым центрам, т.к. он фактически монополизирует московскую торговлю, приводя к более крупным прибылям и откатам.

За желанием укрупнять и упрощать стоит еще один мотив – желание найти простые решения. Договариваться с разными элитами по-разному, искать общие цели и компромиссы с обществом, просчитывать стратегии и моделировать риски – это слишком сложно для российской власти. Гораздо проще стукнуть одного по голове, другого посадить, а третьему просто намекнуть – и переговориваться будет уже не с кем. Майские указы Путина – история того же порядка. Безответственные управленческие решения в социальной сфере стоят гораздо дороже, чем безграмотный менеджмент в бизнесе. Просто потому, что они ведут к непредсказуемым, а часто и отложенным по времени результатам. Так и Собянину договариваться с малым бизнесом – хлопотно и не очень выгодно. Крупные монополисты – совсем другое дело. К тому же гораздо проще снести все в одну ночь, чем разбираться с каждым случаем отдельно.

Еще одной родовой чертой путинской системы власти является желание не замечать политическую субъектность никого, кроме находящихся на вершине элит. Именно поэтому для того, чтобы докричаться до властей любого уровня, надо либо очень громко кричать, либо собрать людей, которые вместе будут кричать громче, либо найти кого-то из элит, кто будет выступать от вашего имени.

Уничтожение политической субъектности гражданина в конечном счете ведет к нивелированию разнообразия (какое может быть разнообразие у того, кого нет) и к возможности уничтожить институт репутации (ведь если нет политических субъектов, то нет и репутации).

В целом мы видим, что действия Собянина вполне укладываются в эти основные тенденции: правовой нигилизм, отсутствие уважения к публичной репутации, стремление к укрупнению и простым решениям, отказ гражданам в политической субъектности. Именно поэтому ночной снос магазинов, несмотря на столь яркую форму, не выглядит чем-то необычным. Благодаря своей внешней экстравагантности эта акция лишь подсветила те особенности российской политики последних 15 лет, которые не очень понятны политикам, воспитанным в западной политической культуре и руководствующимся совсем другими представлениями о норме.

Именно норма есть некоторое мерило политического устройства. Когда нам рассказывают о том, какая чудовищная коррупция в той или иной стране, надо понимать, насколько общество в этой стране готово принимать эту коррупцию за норму или же в обществе нормой является осуждение незаконной наживы. Нормы, заложенные в фундамент путинского государства, неизбежно приводят к спецоперациям по очередному уничтожению понятия частной собственности, к публичным угрозам одного провластного политика в адрес оппозиции, к тысячам других таких же отвратительных и антиконституционных (но может быть не настолько ярких) деяний, которыми наполнен каждый информационный день в России.

теги

[laws](#)

[society](#)

[Duma](#)

[protests](#)

[протест](#)

[протесты](#)

категории

[Society](#)

Использование материалов интернет-издания "Intersection" путем их полного воспроизведения разрешается только с разрешения редакции Intersection - intersection@intersectionproject.eu